

Е.П. Дубровин

Оранжевая электричка

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Е11

Е11 **Е.П. Дубровин**
Оранжевая электричка / Е.П. Дубровин – М.: Книга по Требованию, 2018. –
125 с.

ISBN 978-5-458-04083-9

Роман «Оранжевая электричка» – последнее произведение талантливого прозаика Евгения Дубровина (1936 – 1986). Главный герой романа Петр Кириллович Коньшин – несомненно одаренный человек, однако словно злой рок преследует его. Сначала рушится личная жизнь Коньшина, его семья, начинаются осложнения на работе в НИИ. С возрастом Коньшин понимает, что причиной неудач во многом был он сам, его нерешительность, рассудительность, уступчивость от доброты... Но никогда не поздно хотя бы попытаться исправить ошибку. Пусть даже цена этой попытки непомерно велика...

ISBN 978-5-458-04083-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2018
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2018
© Е.П. Дубровин, 2018

Евгений
Пантелеевич Дубровин
ОРАНЖЕВАЯ ЭЛЕКТРИЧКА

Часть первая

ВОСПОМИНАНИЕ О СУББОТЕ

*На оранжевой
Электричке
Мы с тобой
Поедем.
Может, кто
Скажет:
Нет такой
Электрички.
Мы все равно
Ее дождемся.
(Хайку)*

РУССКИЕ ГОРКИ

Ему казалось, что холодильник – живое существо. Единственное живое существо в его квартире, потому что Петр Кириллович не считал себя живым, когда спал. Он не знал о себе ничего, когда спал; рассказать ему, Коньшину, как ведет себя он, Коньшин, во сне, было некому; вот почему Петр Кириллович считал, что по-настоящему живое существо в их квартире – холодильник. Не раз, просыпаясь и не придя еще в себя от снявшегося кошмара, Коньшин слышал доносившееся из кухни урчание холодильника; ровное обнадеживающее урчание живого, всем довольного существа, и под это доброе мурлыканье Петр Кириллович облегченно откидывался на подушку и засыпал уже спокойным сном.

Кроме того, Коньшину холодильник не раз спасал жизнь. Как должен был спасти сейчас.

Петр Кириллович вступил в кухню, дотронулся до холодного бока. Потом он потянул дверцу на себя, сунул руку в морозильник и вытащил заиндевевшую бутылку.

Сердце по-прежнему не билось.

Стараясь не наклоняться, Петр Кириллович достал наполовину пустую «Боржоми», налил в стопку из заиндевевшей бутылки водки и запил водой. Все это он проделал автоматически.

Ничего не произошло.

Коньшин налил вторую рюмку и залпом выпил.

Поршни, сжимающие разреженный газ в груди, остановились, и между ними трепыхнулось что-то, пока еще бесформенное, аморфное.

Петр Кириллович напряг память, но решительно ничего не возникло перед его внутренним взглядом. Правда, шевельнулось что-то отвратительное, мерзкое, стыдное, как бы предупреждая, что не надо вспоминать, но тут же исчезло.

Коньшин причесался, надел джинсы, белую майку, сандалеты, прошел на кухню, поставил чайник. Есть не хотелось. «Есть не хочется, потому что вчера я наелся шашлыков?» – Петр Кириллович попытался спровоцировать свою память. Память ответила уклончиво: «Вчера ты вообще много ел». «И пил», – добавил Коньшин усмехнувшись.

«Конечно же».
«Были женщины?»
«Разумеется, как же без женщин».
«Наверное, плясали в ресторане?»
«Может быть».
«Точно или может быть?»
«Вполне может быть».

Чайник закипел. Коньшин заварил прямо в стакане крепкий зеленый чай – он любил зеленый чай, хотя никогда не жил на Востоке. Занавеска на окне надувалась от ветра маленьким солнечным парусом. Даже не подходя к окну, чувствовалось, какой на улице зной. Но в кухне было прохладно. В кухне всегда почему-то было прохладно: кроме того, Петр Кириллович открыл дверцу холодильника. Он так делал. От этого холодильник казался еще более живым. Запотевшие бутылки сухого вина, «Боржом», консервные банки дышали прохладой ему в спину.

«Вчера тоже был жаркий день?» – задал своей памяти Коньшин невинный вопрос. Как всякий опытный следователь, Петр Кириллович пытался поймать преступника на невинном вопросе.

«Да Вчера был очень жаркий день, – спокойно ответила память. – Мог бы и не спрашивать. Твое лицо и руки по локти горят».

«В самом деле, – смущенно ответил Коньшин. – Значит, я много гулял по солнцу и день был приятным?»

«Тебе виднее», – неопределенно ответила память.

«Что-то вчера было мерзкое?»

«А когда у тебя не было мерзкого?»

«Ну, ну!» – пригрозил Коньшин памяти. Он полез в карман за платком, чтобы вытереть пот, и наткнулся на какой-то твердый предмет. Петр Кириллович вытащил его и с удивлением увидел, что это небольшой зеленый камень. Камень был отшлифован с одной стороны, очень красиво проступали желтые прожилки. С остальных сторон камень был шершавым, но от этого смотрелся еще лучше. Кое-где на поверхность выступали прозрачные кристаллы.

«Что это?» – удивился Коньшин.

«Это яшма!» – ответил звонкий девичий голос.

И Петр Кириллович все вспомнил.

* * *

Вчера была суббота. Коньшин ненавидел субботу. Он ненавидел и воскресенье, но субботу больше. В его памяти суббота почему-то всегда оставалась белой пустотой, мокрым, бесформенным куском ваты. Воскресенье тоже было куском ваты, но воскресенье еще выглядело терпимым по сравнению с субботой. В воскресенье в первую половину дня он пил зеленый чай, слушал урчание преданного холодильника, читал, а после обеда гулял по городу, наблюдая, как постепенно пустеют улицы, ветер гонит жухлые листья, а милиция очищает скверы и бульвары от пьяных...

Да, в воскресенье тоже было мутно на душе, одиноко...

Но воскресенье рождало понедельник, и все воскресенье Петр Кириллович ждал понедельника. Ах, как он ждал понедельника! Когда за окном весело звенят трамваи; вспухнет шумом, словно раздуется шоссе; заворочаются, заскрипят

подъемные краны; побегут люди... И он тоже побежит вместе с этими людьми, придется толкаться в автобусе, мчаться в метро, а потом очутится за своим столом и не будет уже принадлежать самому себе до самого вечера.

Но вот суббота... Он чувствовал ее приближение еще в пятницу, после обеденного перерыва. По уже несколько отрешенным физиономиям своих сотрудников, по возросшему количеству неделовых звонков, по позвякиванию в портфелях под столами у мужчин...

Будь она проклята, эта суббота! В субботу обязательно с ним что-нибудь приключается. Что бы Коньшин ни предпринимал назло субботе – брал билеты в театр, шел в кино, посещал выставку, гулял в парке, но заканчивалось всегда одним: каким-нибудь скверным приключением, сильной выпивкой – и суббота уходила в вечность вычеркнутым из жизни днем, куском белой мокрой ваты, через которую не доносились звуки, не пробивались запахи, не всплывали картины. Конечно, так было не всегда, иногда ему удавалось победить, но все-таки...

...В пятницу после работы Коньшин, не заходя домой, выпил в кафе «Олень» двести граммов коньяку и минут пять постоял на тротуаре, разглядывая спешащих девушек и решая, что же делать. Как убить предстоящую субботу? Сослуживцы разбежались, едва электронные часы на стене показали шесть, и не подумав пригласить его, Коньшина, провести вместе субботу. У него в блокноте были телефоны нескольких женщин, но все они были замужние, и, конечно, никто не согласится встретиться с ним в субботу, ведь проклятая суббота – сугубо семейный день. Был, правда, у Петра Кирилловича и один «не замужний» телефон, но звонить по нему не хотелось: женщина, с которой он иногда встречался, стояла во главе очень шумной, временами даже скандальной компании. Эта компания обладала качеством снежного кома, катящегося с горы: к концу дня к ней налипала масса народу – и про Коньшина, с его молчаливым, неподвижным характером, просто забывали. Однажды его даже побили, приняв за чужака.

Нет, звонить было некому, и Петр Кириллович пошел домой пешком. От Садового кольца до Останкина, где он жил, Петр Кириллович добрался за два часа. Солнце уже клонилось к закату. Из-под деревьев ползли черные холодные тени. Останкинская башня пускала зайчики. Старушки еще не заняли свой вечерний пост, и Коньшин бесцельно посидел на свободной лавочке среди чахлого скверика под своими окнами, наблюдая, как катят коляски женщины; с целеустремленными лицами, конечно же в магазин, спешат мужчины, и ощущая, как из небольшого сквера через гремящую, чадающую дорогу пробивается к нему свежий запах травы и запах цветов.

Потом он пошел домой. Готовить ужин не хотелось. Петр Кириллович выпил холодной водки, запил боржомом, съел банку рыбных консервов, убрал за собой, немного почитал и лег спать. Солнце в кухне еще не село, но в комнате было уже темно и прохладно, и Коньшин сразу заснул.

Он проснулся с ощущением тревоги. Коньшин не сразу понял, откуда шло ощущение тревоги, но потом вспомнил: сегодня же суббота. Было начало девятого утра. Петр Кириллович машинально привел себя в порядок, съел яичницу, выпил крепкого зеленого чая и остановился посередине кухни, раздумывая, что же делать дальше. Можно было, конечно, никуда не ехать. Остаться в прохладной квартире, ходить в трусах, думать, читать, валяться на кровати, звонить наугад

по телефону, слушать разные голоса и по голосам определять характер – была у него такая игра. Но к обеду он обязательно заснет, проспит до вечера, а дальше предстояла бессонная ночь.

Нет, этот вариант не годится. Немного подумав, Петр Кириллович решил поехать в парк. Там в любое время толчея, шум, грохот аттракционов. Прекрасно. Он будет стоять и глазеть на аттракционы. Глазеют же люди, и им не скучно, даже весело.

Коньшин оделся и поехал.

Несмотря на ранний час, парк был полон людей. С аттракционов доносился визг девушек, скрип качелей, из павильонов с иностранным оборудованием ползла электронная, неземная музыка, с озера слышался скрип уключин лодок, негромкие счастливые голоса влюбленных. А над всем этим – шум старых деревьев, зной и голубое небо. Теперь Петр Кириллович понял, почему он выбрал этот парк: здесь не было шумных сплоченных компаний; в парке преобладали или парочки, или одиночки, сюда бежали от одиночества такие же, как он, Коньшин. Семейные люди и сплоченные компании уже бредут вдоль тихих светлых речек Подмосковья; или собирают земляничку на покрытых росой, еще холодных, но уже залитых горячим солнцем полянах; или просто-напросто спят в палатках, крыши которых в темных подтеках от упавших с деревьев капель, а у порога вьется лисьим хвостом дымок от тлеющего с ночи костра...

Петр Кириллович отстоял небольшую очередь к павильону, где торговали чешским пивом, не торопясь выпил две кружки. Пиво было теплое, кисловатое, явно не чешское, и Коньшин вторую кружку не допил. Потом он пошел к аттракционам.

Возле аттракциона «русские горки» стояла длинная очередь и с завистью смотрела на несущиеся по спирали с жуткой скоростью автомобили; из автомобилей в самые критические моменты вырывались пронзительные вопли. Когда вопли достигали особо высоких нот, из будочки с красным крестом нервно высовывался старичок и белом халате. Видно, «русские горки» доставляли ему много хлопот.

Коньшин спросил, кто последний. Последней оказалась девушка, одетая под русскую красавицу. Сарафан, расшитая крупными цветами кофточка, красные туфли, толстая желтая коса через плечо.

Петру Кирилловичу очень понравилась девушка. Хорошо бы познакомиться с этой девушкой, подумал Коньшин, и покататься с ней в одном автомобиле по горкам, а потом погулять по парку, поплавать на лодке, поужинать в небольшом ресторанчике на озере – в парке был такой прохладный ресторанчик, – и, может быть, она согласится поехать к нему домой пить чай. Да, хорошо бы девушка согласилась пить с ним чай. Тогда суббота была бы убита наповал.

Коньшин трудно знакомился с людьми, особенно с женщинами. Конечно, если не выпил.

– Я сейчас приду, – сказал Петр Кириллович девушке.

Та посмотрела ему прямо в глаза, чуть улыбнулась и пожала плечами.

Да, это здорово, что она посмотрела ему в глаза и улыбнулась. Ему очень понравились ее глаза. Зеленые, бездонные, как глубокий, заросший ряской колодец.

Одиннадцати еще не было, но Петр Кириллович знал один маленький буфетик

от ресторана, который прятался в зарослях сирени, и эти заросли, наверно, помogli рестораничку выстоять в этой жестокой до-одиннадцатичасовой действительности.

Буфетик был закрыт, но это только так казалось. Закрыт он только был спереди. Буфетик, как избушка на курьих ножках, мог поворачиваться. Справа вилась едва заметная тропинка. Коньшин, пригибаясь, пошел по ней. Вверху возлились птицы, сыпали еще не просохшей росой. Большая лапа сирени закрывала всю заднюю стенку ларька. Коньшин сдвинул лапу в сторону. Открылось маленькое окошечко, над которым было написано масляной краской: «Для грязной посуды». Петр Кириллович постучал. Окошечко открылось, показался черный выпуклый восточный глаз.

– Тэбэ чэго, товарищ?

– Сто граммов водки и минеральной запить.

Глаз цепко скользнул по фигуре Коньшина. Потом окно захлопнулось. Петр Кириллович ждал. Прошло минут пять, вдруг окошко резко распахнулось – и волосатая рука быстро поставила на полочку под окошком два стакана, в одном бегали пузырьки. Коньшин сунул в черную лапу скомканную пятерку.

– Приходи чэрэз час. Шашлык будэт, – сказал невидимый человек, и окошко захлопнулось.

Петр Кириллович одним духом выпил водку, отпил немного минеральной и выбрался из кустов.

Возле девушки стоял парень. Парень отвлеченно говорил, а девушка делала вид, что ей не интересно, хотя, конечно, ей было интересно.

– Я занимал, – сказал Петр Кириллович и уныло встал рядом.

Он уже проклинал себя, что ходил пить водку. Упустил такую девушку... Конечно, куда ему до этого парня... Стройный, высокий, лицо розовое, юное, с решительным подбородком... Одет спортивно, модно.

Парень знал, что он хорош. Время от времени он поглядывал на окно медицинской будочки, где четко отражался.

Разговор шел об особенностях какого-то малоизвестного английского ансамбля; Коньшин в этом ничего не понимал.

– Все дело в барабане, – сказал парень. – Они держатся на барабане. Сначала барабан ведет свою тему вверх, – спортсмен поднял руку, – потом немного вправо, потом опять вверх. – Парень покосился на окошко, на свое отражение и, видимо, остался доволен. – И затем ударник как бы тебя гладит. – Юноша неожиданно погладил девушку по русой голове. И она ничего.

Она даже ничего. Петр Кириллович отвернулся.

Очередь неумолимо приближалась ко входу в аттракцион, и Коньшин со страхом ожидал момента, когда ему придется сесть в проклятый автомобильчик. Он с детства ни на чем не катался и сейчас просто-напросто боялся за свое сердце. Уйти? Но почему-то было стыдно перед девушкой. Подумает, что он трусил. Какая глупость...

Коньшин не успел и опомниться, как увидел, что девушка с парнем уже висят у него над головой, а он сам сидит в автомобильчике и служитель застегивает у него на поясе, как в самолете, ремни.

И дальше понеслось! Вверх, до самого неба; вниз, в пропасть. Вокруг кричали, кричали не понарошку, а по-настоящему, от страха, от ужаса. И Коньшин

тоже закричал от ужаса. Никогда в жизни Петр Кириллович не испытывал такого страха. Даже тогда ночью, в далекой юности, когда, гуляя с девушкой в лесу, он нос в нос столкнулся с человеком, у которого в груди торчал нож. Человек шел, хватаясь за деревья, и в груди его торчал нож. Человек шел беззвучно, так тихо, что девушка ничего не заметила, и Коньшин пошел так же тихо, цепляясь за деревья, как тот человек, потом побежал, девушка бежала за ним, ничего не понимая. Опомнившись, Петр Кириллович вернулся, искал человека с ножом в груди, звал, но так и не нашел. На трамвайной остановке он позвонил в милицию. Больше никогда ничего он не узнал о том человеке. Иногда он снился Коньшину в кошмарном сне, потом сниться перестал. И вот сейчас, крича от ужаса, Петр Кириллович вспомнил о том страшном случае в лесу...

Пришел в себя Коньшин на клеенчатой кушетке в будочке старичка доктора. Тот хлопотал над ним, меряя давление. Резко пахло валокордином. В дверь заглядывали испуганные «Русская Красавица» и спортивный парень.

Коньшин попытался улыбнуться:

– Кони оказались слишком резвые.

– Ничего... давление хорошее... просто спазм... Не вы первый, молодой человек, не вы последний. И кто только эту штуку здесь поставил... «Русские горки»... Да разве русские горки такие? Снег нужен для русских горок. Когда снег, тогда и горки не страшны. А то вишь что... По рельсам... Тогда бы уж и называли: «Заморские горки»... Вчера на этих «заморских горках» один инфаркт заработал. Солидный мужчина, вроде вас. Хоть бы уж табличку повесили: «Любям после тридцати лет на «горки» вход воспрещен».

– Спасибо.

– Пожалуйста, пожалуйста, – старичок проводил любителя «русских горок» до выхода. – Постарайтесь держаться в тени. И больше никаких фокусов? Поняли?

Коньшин ощутил что-то в ладони. Он разжал кулак. Это был флакончик «валокордина». Коньшин вышел на улицу.

Девушка подбежала к нему, заглянула в глаза.

– Ну как? Вам лучше? Мы так перепугались, – катание на «горках» не оставило на ней никакого следа.

– Все в порядке.

Подшел парень, улыбнулся:

– Ну и тяжелый вы. Еле дотащил. Давайте знакомиться. Николай.

– Петр... Кириллович.

– Да ладно, чего уж там. Петр. Откуда будете? Москвич?

– Москвич.

– А чего ж на эту штуку полезли?

– Да так... А вы откуда?

– Тоже москвич.

– Ну а вы зачем полезли?

– Честно говоря, не знаю.

Оба засмеялись. Девушка протянула бутылку воды:

– Меня зовут Света. Пить хотите? Это мы для вас купили.

– Хочу, но не этого, – сказал Петр Кириллович. Он чувствовал себя неприужденно.

– А можно? – оживился Николай.
– Доктор не запретил.
– Возле пруда есть ресторанчик, – сказал Николай.
– Я его знаю, – поддержал Петр Кириллович. – Там всегда прохладно.
– Можно? – Девушка взяла его под руку, и они пошли в тени деревьев.
Парень шел позади, поглядывая на свое отражение в окнах ларьков.
– Вам не надо было лезть на эти дурацкие горки, – сказала Света. – Сколько вам лет?
– Старик.
– Ну как вам не стыдно! Вы очень хорошо сохранились. Вам... пятьдесят лет. Угадала?
– Сорок три.
– Правильно. Я так и хотела сказать сначала. Это вас укачало, поэтому я и ошиблась. Для мужчин сорок три – это самый прекрасный возраст. Правда? Ведь про этот возраст говорят: «мужчина в соку»?
– Про этот. Но я не в соку. Может быть, в собственном соку.
– Не скромничайте. Вы, наверно, научный сотрудник. У вас есть какие-нибудь открытия, изобретения. Вас ценит начальство, и вы подумываете о докторской диссертации. Сейчас у вас хандра. А на горки вы полезли от одиночества. Точно?
– Почти.
– Вот видите. Все-таки я на что-то способна.
– Вы работаете сестрой милосердия?
– Я студентка. Будущий геолог.
– Почему же у вас такие нежные пальцы, будущий геолог? Насколько я знаю, вы все время должны тесать камни.
– Я только на втором курсе. Не верите, что я геолог? Сейчас я вам докажу.
Света остановилась и принялась рыться в маленькой светлой сумочке. С Москвы-реки вдруг прилетел прохладный ветерок, тронул кроны деревьев, задвигали верхушки деревьев, заболтали между собой листья, словно дети на уроке, дождавшиеся наконец перемены. Тень впереди на асфальте стала живой. Она то заползала через весь тротуар на проезжую часть, и тогда становилось почти сумрачно, словно наступил вечер и вот-вот должен пойти дождь; то ветер загонял тень далеко в глубь аллеи, и зной заливал все вокруг ослепительным пламенем, и было похоже, что начался лесной пожар, и бледная тонкая трава под далекими деревьями, казалось, скрючивалась в огне, извивалась, и даже вроде оттуда, из-под не такой уж широкой лесной полосы, тянуло лесными запахами: мокрым мхом, грибами, поспевающей земляникой и холодным родником.
«Боже, – подумал Коньшин, – как хорошо, что я ее встретил. Неужели суббота будет нормальным, человеческим днем?»
– Вот вам на память. – Девушка положила на свою ладонь и протянула Петру Кирилловичу зеленый камушек. – Я привезла из Крыма. Там у нас была практика. Это яшма.
– Спасибо, – Коньшин спрятал камушек в карман.
– Догоняйте! – крикнул Николай. – Чего вы там шепчетесь?
Они прибавили шагу и вслед за Николаем вошли в небольшой ресторанчик. Он был пуст. Чистые накрахмаленные скатерти, на столиках цветы. В дальнем углу курил парень – официант, весь в черном, только на груди пестрый галстук-

бабочка; бабочка от движений шевелилась, словно действительно это была настоящая бабочка, прилетевшая откуда-нибудь из тропиков и облюбовавшая для отдыха этого официанта.

Света выбрала столик у окна.

Официант не торопился. Он не спеша докурил сигарету, долго задумчиво тушил ее в пепельнице, потом куда-то ушел, а когда появился, принялся, не смотря в сторону компании, расставлять стулья за столиками. Стулья стояли нормально, но, очевидно, официант добивался абсолютной гармонии.

– Эй! – сказал Николай. Он произнес это «эй» негромко, но властно и слегка презрительно.

Официант не реагировал.

– Эй, салага! Шлепай сюда! – слегка повысил голос Николай.

Официант еще немного повозился, потом прервал свое занятие и подошел с каменным лицом.

– Почему вы так грубо разговариваете?

– Ты слепой? – спросил Николай.

– Прошу не тыкать.

– Ты был в Монте-Карло?

Официант растерялся.

– Нет...

– Оно и сразу видно. В Монте-Карло тебя бы вышибли через полчаса. И профсоюз бы не вступился. Понял? И ты, если бы тебе повезло, мыл машины на заправочной станции. Сейчас их там много-много стоит, поскольку энергетической кризис.

Парень сглотнул слюну.

– Па-п-ра-шу не ку-рить! – вдруг рявкнул он. Вернее, он хотел рявкнуть, но голос подвел его, и вырвалось что-то наподобие поросычьего визга.

– Тогда и ты не кури, – спокойно сказал Николай.

Наступило молчание. Официант и спортсмен пожирали друг друга глазами.

– Что есть? – наконец спросил Николай миролюбиво.

– Салат... «Столичный», – с трудом выдавил из себя парень. Видно, бабочка вцепилась ему в горло своими лапками.

– Еще что?

– Котлеты.

– Вчерашние?

– Горячие.

– Но вчерашние?

– Вечерние, – нехотя согласился официант.

Спортсмен спрашивал быстро, властно, словно вел допрос.

– Эх вы! – сказал он, стряхивая пепел в аляповатую «под хрусталь» пепельницу. – Гнать вас всех в Монте-Карло. Водка-то хоть есть?

– Водка есть.

– Конечно, теплая?

– Средняя...

– Значит, теплая. Льда, разумеется, нету.

Официант усмехнулся:

– Черепашьего супа тоже не имеется.